

УДК 902.2(470.24)

*И. В. Лисюченко***КРИТЕРИИ И ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Государство в Древней Руси складывалось во многом под влиянием не экономических, а военно-политических и культурных факторов. Перед нами – вечевые общины, доклассовые, общинные без первобытности объединения. Процессы классового образования в течение IX – первой трети XIII в. здесь не были успешны. Эти общества были настроены на саморегулировку – гомеостазис, что, в первую очередь, было связано с тяжелейшими войнами и суровыми природными условиями. Встречающаяся в исторической науке точка зрения, рассматривающая княжескую власть и вече как противоборствующие стороны, не соответствует действительности. Даже в XI–XIII вв., а кое-где и позже, на Руси князья как бы «растворялись» в своих общинах, отходя на второй план по сравнению с народом.

Ключевые слова: Древняя Русь, государственность, княжеская власть, вождество, раннее государство, вече, община.

В литературе последних десятилетий интенсивен поиск новых подходов к осмыслению государственности в Древней Руси. Отход от прямолинейных трактовок вызывает, в свою очередь, множество вопросов, позволяющих, кроме всего прочего, по-иному взглянуть на сам феномен государственности и на феномен правителя в эпоху раннего Средневековья. Три первичных признака государства, популярные в отечественной историографии – суверенитет (верховная власть), население и территория, – как показал Н. Н. Крадин, исторически ограничены [21. С. 222-224]. Начнем с первого критерия.

Прежде всего определим, что мы понимаем под верховной властью и государством соответственно. Если это отделенная от народа власть (безразлично – князя, бояра, или же правящей верхушки в целом), которая всегда или почти всегда может навязать свою волю, а государство – сложившаяся в классовом обществе машина для утверждения и поддержания классового господства, то в таком смысле, верховная власть (как признак государственности) и само государство у восточных славян в изучаемое время отсутствовали. Подобный вывод относительно конца интересующего нас периода делал Г. Ловмянский: у восточных славян того времени уже существовали три признака государства (население, территория, власть), но говорить о государстве еще нельзя, ибо не было эксплуатации [24. С. 13].

Однако подобные подходы, по нашему мнению, неверны. Многие архаичные государства сложились еще на доклассовой основе. И. Я. Фроянов видит в истории Древней Руси общинную, дофеодальную государственность, полагая, что в данном случае можно говорить о городах-государствах [35. С. 243]. Принимая, в целом, такую трактовку, мы должны понимать, что перед нами – отнюдь не полисы, хотя некоторые черты типологического сходства между древнерусским обществом и античными полисами отрицать нельзя. Но далеко не все города-государства, что уже отмечалось в науке, являются полисами [34. С. 257-258].

Верховная власть в Древней Руси не отделялась от народа, иными словами, представляла собой неразрывное единство князя и веча (народа-войска). Следовательно, существование государства даже в XI–XIII вв. нельзя признать не только в случае признания классового характера государственности вообще, но и принимая определение А. Д. Градовского: государство возникает тогда, когда община передает свои высшие властные полномочия какому-либо лицу или группе лиц [13. С. 398-399]. Аналогичное, даже более «жесткое» определение дает и Е. А. Мельникова, характеризуя государство «как институционально оформленную политическую систему, обеспечивающую жизнедеятельность общества» [27. С. 4]. Если принять его, государства в Древней Руси тем более, разумеется, не было. Н. Н. Крадин, продолжая мысль К. А. Виттфогеля о государстве как о сфере управления профессионалов, склонялся к тому, что «единственный универсальный критерий государственного общества» – наличие «специальных функционеров, выполняющих обязанности только в какой-то одной области управления». Но подобного в Древней Руси также не было. Сам Н. Н. Крадин справедливо отмечал, что дружинники, которых он рассматривает как своего рода «эмбриональный» аппарат управления, «не имели четкой функциональной специализации и исполняли поручения от случая к случаю и по мере необходимости» [39. Р. 239-243; 21. С. 225, 229]. Но дело не только и даже не столько в дружинниках. «Древнему времени была совершенно чужда мысль о каком-либо разделении властей, – писал В. И. Сергеевич. – Задачи управления были в зародыше и не имели своих особых органов. Ор-

ганы суда и управления сливались. Вече является, однако, с преобладающим характером народной думы, а не обыкновенного органа для отправления текущего суда и управления. Для этой последней цели призывается князь. Но такое разграничение есть дело удобства, а не принципа. Нельзя же вече находиться в постоянном сборе для решения текущих вопросов суда и наряда. Но как скоро народ находил нужным, он вмешивался в княжеский суд и управление и даже управлял и судил сам непосредственно...» Объяснение подобному явлению легко понять: «Пока народ составлял силу, нельзя было игнорировать эту силу и при решении текущих вопросов управления и суда». Потому не было «законных» и «незаконных» веч, а были вече, которые могли и не могли настоять на своем [33. С. 93, 97-102]. Что же касается мнения Н. Н. Крадина, то предложенный им критерий государственности оказывается еще более жестким, имеющим отношение только к достаточно развитым государствам, чем три признака государства, согласно традиционной точке зрения.

В Древней Руси вплоть до XIII в. дуализм власти князя и вече сохраняется. Здесь сама община вмешивается в решение даже текущих (!) дел, не говоря уже о делах наиболее важных. На данном тезисе остановимся подробнее. Начнем с того, что подобное сохраняется не в неких примечательных, но являющихся исключениями «островках архаики», а на территории всей страны. В частности, существующее в историографии мнение о сохранении значительной, в сравнении с другими восточнославянскими землями, архаики или некоего особого «патриархального характера власти» в Древланской земле X в. [14. С. 375-376; 25. С. 168] и о вторичной архаизации Болоховской земле в первой трети XIII в. [17. С. 31-32] не убеждает. Болоховские князья, не названные ни разу по имени, действительно как бы «растворяются» при чтении Ипатьевской летописи в своих вечевых общинах [18. С. 58]. Но аналогичные факты решающего влияния общин на те или иные государственные дела в то время были обычными и в других регионах Руси. Тщательный анализ летописного материала позволяет выделить случаи, когда в описании войн князья отходят на второй план (известны аналогичные примеры для новгородцев, полочан, черниговцев, пинян, рязанцев и суздальцев, то есть фактически для всей Руси). Особо подчеркнем: перед нами – не манера описывать события, сложившаяся в летописании какого-либо одного региона. В частности, в 1128 г. «Новгородчи придоша съ Мьстиславичемъ съ Всеволодомъ къ Неключу». Это сообщение сохранили не только летописные памятники Северо-Восточной Руси – Лаврентьевская, Радзивиловская и «Летописец Переяславля Суздальского» (далее – ЛПС), но и Ипатьевская летопись [3. Стб. 298-299; 4. Стб. 299; 7. С. 106; 1. С. 68]. То же самое видим и в Новгородской I летописи (далее – НПЛ). Так, спустя восемь десятков лет, в 1210 г., «Новгородьци угонивше Литву въ Ходынищихъ, избиша съ князьмъ Володимиромъ и с посадникомъ Твърдиславомъ» [4. С. 51, 249], а в 1269 г. «новгородци же съ княземъ Юрьемъ погонишася» за немцами [4. С. 87, 318]. В 1152 г. «Вячьславъ, Изяславъ идуть Черниговчемъ в помочь», а не князю Черниговской земли Изяславу Давыдовичу, который в то время находился в Чернигове [3. Стб. 338; 4. Стб. 456, 458; 7. С. 124]. Вовсе не играли первостепенной роли и полочские князья в 1195 г. [4. Стб. 691-692]. При описании событий очередной войны могущественного князя Северо-Восточной Руси Всеволода Юрьевича Большое Гнездо с Рязанской землей на первый план выступают не князья или их представители, а сами вооруженные общинники: «Слышавше же Рязанци, яко людие Суздалстии и Новгородци стоять съ товаромъ на острове у города Олегова, и нарядиша на нихъ лодьи съ людми со многыми, а сами поидоша на нихъ брегомъ со княземъ Романомъ Игоревичемъ...» [3. Стб. 302-303; 7. С. 108; 5. С. 32].

И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко обратили внимание на то, что порой летописцы вообще не упоминали об участии князей в битвах, хотя известно, что участие они принимали участие. «И победиша Деревлянь Киане», – читаем в ЛПС об известных событиях 946 г. после гибели Игоря [1. С. 12; 14. С. 375-376]. На первый взгляд, в данном случае прав М. С. Грушевский, который полагал, что здесь ЛПС пишет о древнем славянском народоправстве, напоминающем общественное устройство антов по Прокопию Кесарийскому. Позднее же, по мысли исследователя, подобное явление исчезает [36. С. 229]. А если М. С. Грушевский прав, то болоховские князья действительно ведут себя подобно антским лидерам VI в., и в этом их своеобразие. Но с данным исследователем нельзя согласиться. В частности, и битва на Ждане горе в 1135 г. описана как сражение двух ополчений («бишася новгородци с ростовци» [2. С. 23, 208]. То же мы видим и под 1195 г.: «Тои же зиме бишася смолняне съ черниговьци, и поможе Богъ църниговьчемъ...» [2. С. 42, 235].

В 1226 г., по словам Ипатьевской летописи, «прия Лоуческъ Ярославъ, а Черторьескъ Пиняне». Далее пинская община посадила в нем одного из своих князей, который в следующем году и был взят в плен Даниилом Романовичем. Пинский князь никак не проявил себя, так что его роль, по нашему мнению, явно преувеличена рядом исследователей. По крайней мере, сам Даниил вообще не упоминает о

нем, говоря исключительно о пинянах (пинской общине): «Не подобаеъ Пиняномъ держати Черторыйска» [4. Стб. 750, 752]. Можно предположить, что этот не названный по имени пинский князь был бесцветной фигурой, но уже под 1259 г. та же летопись описывает и осаду Куремсой Владимира-Волынского, не упоминая младшего Романовича, который находился в то время в городе: «Выехавшимъ же ратнымъ вои, из города изидоша на гражане пешци, и бившимся с ними крепко, и выбегоша из града. Идоша к Коуремьсе, исповеша, яко гражане крепце борются с нами» [4. Стб. 840-841]. И так, перед нами – не региональная, а, скорее, стадильная черта. Примерно так же летописи – не только НПЛ и устюжские летописи, но и вышедший из окружения великого московского князя Московский летописный свод конца XV в. – пишут и о событиях «заповедниках архаики», но уже более позднего времени (XIV–XV вв.). Относительно новгородцев и устюжан подобные свидетельства имеют место под 1323 и 1324 гг. [2. С. 97; 4. С. 167]; относительно же устюжан, новгородцев и двинян – уже под 1425 г. [6. С. 106, 113]. Война смолян и мстиславцев в 1387 г. описывается примерно так же [5. С. 213-214]. Аналогичные общественные отношения в Поморье мы видим в 1107 г. [9. Р. 446-447]. Таким образом, с другой стороны, неупоминание князей, например, радимичских, при описании восстания радимичей против киевской власти, вовсе не означает их отсутствия, как это может показаться на первый взгляд [37. С. 49-51]. Частной иллюстрацией описанного нами подхода к определению верховной власти в Древней Руси является и вопрос о распределении дани в домонгольское время. Она разделялась между всеми участниками похода, в первую очередь, между воями (ополченцами) [36. С. 36], а не только между князьями и их дружинниками. В пользу такой трактовки говорят положительные данные. Так, в 883 г. «поча Олегъ воевати Деревляны, и примучи, вои имаша на них дань по черне куне» [3. Стб. 24]. В последнем случае лидер вообще отступает на второй план, и дань ясно показана как форма угнетения одной общины другой.

В таком случае следует признать, что общинная государственность древнерусского типа – стадильно более раннее явление, чем вождество, которое обычно считается переходным между первобытностью и государством [11. С. 195]. Выделяют следующую иерархию вождеств: простые – сложные – сверхсложные, а Н. Н. Крадин предлагает следующие признаки вождества: 1) иерархическая организация власти, которая может быть выявлена по размерам поселений; 2) существование социальной стратификации; 3) «ограничение доступа к ключевым ресурсам»; 4) эндогамность элиты; 5) «имеются тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие»; 6) редистрибуция, то есть «перераспределение прибавочного продукта и подарков по вертикали»; 7) владычество лидеров (вождей) строится на принципах престижной экономики; 8) существование общей идеологической системы и/или общих культов и ритуалов; 9) возможно, «верховная власть в вождестве имеет сакрализованный теократический характер» [32. С. 216].

Все пункты, включая последний (князья как земные боги), – налицо. Однако никаких элементов самостоятельности общин, которые сильнее своих лидеров, в таком случае не должно быть и в помине. Но необходимо, по всей видимости, согласиться с В. В. Пузановым, что дело в самой концепции вождества. Последняя была разработана на материалах совсем других, неиндоевропейских обществ, в первую очередь, обществ Океании, и, насколько мы понимаем, не является универсальной [32. С. 45-46, 58-59]. Рассматривая же в том числе и историю идей в изучении государственности, необходимо отметить, что у приверженцев теории вождества термины «племенные княжения», «племена» и «союзы племен» фактически заменяются на «вождества». Особые же отличия от традиционных для советской науки подходов найти в таком случае сложно [21. С. 216].

Среди особенностей концепции вождества, которые мешают распространить ее на восточных славян, укажем, в первую очередь, на две. Концепция вождества не учитывает (1) что верховная власть может быть представлена не вождем, а неразрывным единством высшего лидера с народным собранием; и (2) есть факторы и институты, настраивающие общество на саморегулировку, консервацию древних черт (общинная собственность – господство народного собрания – лидер как священный владыка, без которого мир-космос и мир-община не могут сколько-нибудь нормально существовать). Подобное мы видим у восточных славян и на Руси IX–XIII вв. Археологические же критерии вождеств без параллельных данных письменных источников нельзя считать бесспорными. Те же упреки, по сути дела, можно адресовать и концепции «раннего государства», разработанного также во многом на неиндоевропейском, в первую очередь, африканском материале, хотя Древняя Русь напоминает последнее огромной ролью «священного царя», авторитет которого и здесь во многом заменял отсутствующий эффективный аппарат власти. Впрочем, тот факт, что Древняя Русь отличается от «классической» модели «раннего государства», уже отмечался в литературе, в частности, Н. Н. Кра-

диным [21. С. 227, 232]. Гетерархическая модель [21. С. 229-232] неприменима к восточным славянам IX – первой трети XIII в. примерно по тем же причинам. Фактически она не очень далека от имевшей место в историографии точки зрения, согласно которой власть в Древней Руси была распределена между различными группами элиты, что также не соответствует действительности.

Обратимся теперь к территории как критерию государственности. Территорию раннего объединения (назовем его пока так) даже времен Владимира нельзя назвать устоявшейся, что, однако, характерно для подобных архаических объединений. В этом отношении Русь порой напоминает то, что в по-тестарно-политической этнографии называют «сегментным государством» [23. С. 58-59; 12. С. 117]. Начнем с того, что смерть каждого из правителей, начиная с Олега и заканчивая Владимиром Свято-славичем, приводила к частичному крушению государственного здания, создаваемого каждый раз с серьезными трудностями. Объяснение этому можно найти в «Saga Ditriks af Bern»: клятва о подчинении и дани была священна в глазах язычников, но ее принесение было жестко связано именно с личностью князя. Смерть же его разрывала все обязательства [10. Bl. 136].

Тем не менее, нельзя отрицать, что со времени первого, по всей видимости, объединения Севера Восточной Европы и Полянкой земли по днепровскому пути в 882 г., постепенно начинают вырисовываться контуры появившейся позже державы. Летописи высветили по сути только завершающий этап данного процесса. На локальном уровне подобные центростремительные процессы шли, надо полагать, как минимум, в VIII – третьей четверти IX в., а может быть, и раньше. Еще Г. Ловмянский отмечал, что наиболее древние русские летописи знают названия только трех общностей низшего разряда, под которыми, по его мнению, следует понимать именно племена как таковые (*полочане, тишанцы, семечи*) [24. С. 9].

Но можно ли сказать, что государственное строительство к тому времени в целом закончилось на уровне более крупных общностей – племенных союзов или территориальных образований, условно называемых А. А. Горским «славиниями» и «союзами славиний» [12. С. 9-36]? Если дать утвердительный ответ, следует (по крайней мере, в целом) согласиться с А. Е. Пресняковым, сравнивавшим Русь до Владимира с ранними объединениями Древней Скандинавии, представлявшими собой своего рода союз мелких государств со своими законами и спецификой управления под властью одного конунга [31. С. 58-59, 60-61]. Но не все исследователи принимали подобную логику. «Эти обширные политические образования, – писал А.Я. Гуревич об империи Каролингов, державе Кнута Могучего и «империи Рюриковичей», – не опирались ни на какие внутренние силы сцепления и распались вместе с кончиной своего главы или вскоре после нее. Ибо они не располагали эффективно действующим аппаратом власти и были по существу эфемерными объединениями разрозненных племенных и иных этнических единиц, живших собственной обособленной жизнью» [15. С. 104]. Относительно Древнерусского государства с этим мнением можно согласиться лишь отчасти. Слабость связей, на которых строилось это государство, нельзя преуменьшать. Но, с другой стороны, при непредвзятом исследовании проблемы обязательно встает вопрос: если ясно, почему Русь периодически распадалась, то почему в таком случае несколько раз вроде бы окончательно «разбитые» «осколки» вновь воссоединялись? Экономические связи между различными частями Руси были весьма слабыми, так что об экономических предпосылках складывания государства как о первостепенном факторе говорить не приходится. Основное значение имели потребности обороны или, напротив, сосредоточения сил для присоединения иных племен и племенных союзов [25. С. 174-175]. Иной причиной, побуждавшей восточных славян к объединению, были потребности культа и, шире, все, что имело отношение к сакральной сфере общественной жизни, что облегчалось и близостью славян друг к другу в языковом и культурном отношении. И здесь мы видим потенцию для объединения, которая никогда не могла угаснуть. Разумеется, перед нами – скорее симптом, внешнее выражение во многом скрытых для исследователя процессов, ибо, как мы понимаем, ретроспективный анализ не может заменить нам прямых указаний источников, а таковых для ключевых VI–X вв. чрезвычайно мало, существующие же, в первую очередь археологические, скудны и чрезвычайно сложны для интерпретации. Но симптом этот показателен и в свете дальнейших исследований может оказаться ключевым для оценки складывания государственности вообще. Пока же, пусть осторожно, можно предположить, что именно способность к самовосстановлению – тот признак, который позволяет говорить о существовании государства. Там же, где этого не происходило, говорить о государстве еще рано, как, например, о некоем славяно-тюркском (точнее, антско-тюркском, то есть, в истоках, славяно-алано-тюркском) объединении второй половины VII в. в лесостепном Поднепровье. А. М. Обломский охарактеризовал его как раннегосударственное, Е. А. Шинаков – как потестарный суборганизм Великой Булгарии

[29. С. 26; 37. С. 61]. Но археологический материал в данном случае не обобщен в должной мере. Что же касается письменных источников, то ситуация в указанное время в этом регионе в них практически не отразилась, что делает любые выводы неизбежно предварительными. Одно ясно: под ударом неких, не известных нам, строго говоря, врагов (хазары? болгары? иные славяне, пришедшие с запада?) сплотившиеся друг с другом анты и тюрки [29. С. 23-27] не смогли восстановить свое объединение, пусть даже государство, если последнее считать таковым. Русь конца IX – первой трети XII в. имела, как мы видим, совсем иной, весьма серьезный, центростремительный потенциал.

Таким образом, к ранней, доклассовой государственности можно подойти и несколько по-другому – не через идентификацию определенного набора признаков данного феномена, а учитывая уровень эффективности выполнения тех функций, которые устойчиво может выполнять то или иное раннеполитическое объединение, имеющее, таким образом, серьезную потенцию к самовоспроизведению. Для IX–X вв., как отмечал еще В. О. Ключевский, наибольшее значение имели функции военные [20. С. 160] и – в меньшей степени, добавим мы – военно-торговые. И здесь в связи «с усложнением социально-политической организации общества» мы видим не насильственную узурпацию князем прерогатив общины, а именно добровольную передачу их, но не полностью и не во всех случаях [35. С. 18]. Иными словами, на определенном историческом этапе восточным славянам был необходим некий арбитр, и они начинали сами искать его. Потребности, вытекающие из сакральной сферы, также играли значительную роль. Мироустроительные и мироподдерживающие (в широком смысле) обряды, на которых были «завязаны», к примеру, военно-магические и аграрные действия, обеспечивавшие благополучие общины, сакральное поддержание социального мира через пир, дар и суд, – все это не воспринималось как нечто второстепенное. Без них считалась невозможной сколько-нибудь нормальная жизнь общества [21. С. 227].

Так как сложные общности, считать ли их племенными союзами или «славиниями», не позже IX в. уже в целом справлялись с такими функциями, то относительно указанного времени (вслед за И. Я. Фрояновым) мы уже можем говорить о существовании ранних общинных государств [35. С. 13]. И здесь отметим следующее. Историк ранней истории восточных славян почти не знает даже названий племен (или «славиний», если принять точку зрения А. А. Горского), он имеет дело с большими общностями («племенами» наиболее древних летописей). Однако, повторяя верный тезис о непрочности ранней государственности у восточных славян, о локальности мышления и пр., мы не устаем и удивляться успехам государственного строительства на огромных территориях Восточной Европы. Вспомним: в отличие от славян восточных, большинство южных и едва ли не все балтийские славяне не смогли преодолеть разобщенность и почти постоянную вражду общин или, в лучшем случае, союзов общин [38. С. 33-39]. Здесь данный этап развития, преодоленный восточной группой славянства уже к середине или даже, кое-где, к началу IX в., стал настоящим камнем преткновения, а междоусобицы – главной причиной печального конца истории для многих славян, завоеванных, истребленных или насильственно ассимилированных своими врагами [7. С. 374]. Вспомним и иное. Например, еще во времена Болеслава Кривоустого Поморье не знало общей княжеской власти, потому и не смогло действительно сопротивляться польскому королю. Галл еще не знает здесь *dux, princeps terrae*. Ему известны лишь князья отдельных земель – *dux pomoranus, dux* или *dominus paganorum, principes* [9. Р. 446-447, 453-454, 456-457, 463-465].

Итак, наш подход к пониманию древнерусской государственности связан с трактовкой верховной власти как неразрывного единства княжеской власти и власти веча. Симптомом же определенных успехов в государственном строительстве является потенция первых государств к самовоссозданию. Однако своеобразие древнерусской государственности невозможно понять, не отметив, как нам кажется, одну из ее основных особенностей. А. П. Новосельцев называл «варварское» (дофеодальное) государство феодализирующимся, приводя в пример, кроме Руси IX–X вв., современные ей ас-Сарир и Аланию [28. С. 229-230, 248]. Однако, если рассматривать «фундамент» властных отношений на территории расселения восточных славян, легко понять, что с IX по первую треть XIII в. он почти не изменился. Везде господствует именно вече, а власть князя и иных лидеров одинаково зависит от народа, хотя последний, с другой стороны, не мыслит себе нормальной жизни без княжеской власти. В таком случае восточнославянское общество указанного времени является гомеостатическим, то есть настроенным на саморегулировку общественных отношений еще в большей степени, чем общество Древней Норвегии, на основании изучения которого А. Я. Гуревич в свое время предложил данную модель [16. С. 14]. М. Д. Затыркевич считал «гомеостазис» в Древней Руси мифом современной ему историографии [19. С. 52-53], с чем согласиться нельзя [22. С. 43]. Разумеется, изменения в постарно-политической сфере

восточных славян происходили и в изучаемое нами время, и ранее [37. С. 39]. Однако они касались не уменьшения прерогатив веча и увеличения мощи дружинных институтов, а институционализации княжеской власти, складывания (пусть и очень простой) системы управления на местах из княжеских должностных лиц. Для княжеской власти мы видим только отдаленную возможность превратиться во власть государя в ее обычном для науки понимании, причем эта возможность, вопреки А. Е. Преснякову, так и не была реализована в течение всей домонгольской эпохи [31. С. 427].

Но можно ли отрицательно оценивать подобное положение дел? Пока сохранялась необходимость в архаичных институтах, они продолжали существовать и даже восстанавливались, и это следует оценивать положительно [30. С. 324-332]. Общество стремится стать или остаться таким, каким оно в наибольшей степени сможет справиться со своими наиболее серьезными проблемами. Яркой иллюстрацией служит то обстоятельство, что гомеостазис в Древней Руси сочетается у восточных славян с чрезвычайно бурным перерастанием «восточнославянских племенных структур в государственные». Как показала Е. А. Мельникова, данный процесс в этой бессинтезной зоне в целом захватил примерно четыре столетия, тогда как примерно в развивавшейся «также без тесных контактов с античной цивилизацией» Скандинавии «резкое социальное расслоение существовало еще в эпоху бронзы», то есть с середины II по середину I тысячелетия до н.э., а «первые раннегосударственные образования относятся ко времени не ранее VIII в. (в Дании), а средневековые государства возникают во второй половине X – первой половине XI в.» [26. С. 242].

Итак, привычные критерии для определения государственности (верховная власть, население и территория) относительно Древней Руси можно принимать лишь с серьезными оговорками. Верховная власть представляла собой не княжескую власть или власть правящей элиты в целом, а неразрывное единство княжеской власти и власти веча. Территория Древнерусского государства была весьма неустойчива, и Древняя Русь порой напоминала «сегментное государство». Признаком определенных успехов государственного строительства можно принять способность того или иного архаичного государственного объединения к самовоссозданию после кризисов (в том числе временного распада). Одной из основных особенностей древнерусской государственности является ее гомеостатический характер. Таким образом, общинная государственность в Древней Руси сохраняла свои основные черты в течение столетий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 гг.). М., 1851.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
3. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
4. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
5. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
6. ПСРЛ. Т. 37. Устюжская летопись. Список Мациевича. Л., 1982.
7. ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
8. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. (I–VI вв.). М., 1991.
9. *Galli Chronicon* // *Monumenta Poloniae Historica*. Lwow, 1864. Т. 1.
10. *Saga Ditriks af Bern / Udgiret af C. R. Unger*. Christiania, 1853.
11. Горский А. А. О стадии развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.
12. Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
13. Градовский А. Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т. 1.
14. Грушевський М. Історія України-Руси. Київ, 1913. Т. 1.
15. Гуревич А. Я. О генезисе феодального государства // Вестник древней истории. 1990. № 1.
16. Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.
17. Дашкевич Н. П. Еще разыскания и вопросы о Болохове и болоховцах. Киев, 1899.
18. Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. СПб., 1993.
19. Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. М., 1874.
20. Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1.
21. Крадин Н. Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.

22. *Кривошеев Ю. В.* О социальных коллизиях в Суздальской земле 1024 г. (по материалам «Повести временных лет») // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985.
23. *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
24. *Ловмянский Г.* Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. М., 1972.
25. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Л., 1968.
26. *Мельникова Е. А.* Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.
27. *Мельникова Е. А.* Предисловие // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.
28. *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
29. *Обломский А. М.* Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.
30. *Поболь Л. Д.* Славянские родо-общинные структуры в латенское и римское время (по археологическим данным Белоруссии) // История и культура древних и средневековых славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1999. Т. 5.
31. *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
32. *Пузанов В. В.* Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии. Ижевск, 2012.
33. *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1893. Т. 2. Вып. 1.
34. *Суриков И. Е.* Влияние языческой политеистической религии эллинов на процессы политогенеза в архаической Греции // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти члена-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2014.
35. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
36. *Фроянов И. Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
37. *Шинаков Е. А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.
38. *Lowmianski H.* Posztki Polski. Warszawa, 1970. Т. 4.
39. *Wittfogel K. A.* Oriental Despotism. Comparative Study of total power. New Haven; London, 1963.

Поступила в редакцию 10.12.14

I.V. Lisuchenko

CRITERIA AND FEATURES OF STATEHOOD IN ANCIENT RUSSIA

The state formation in ancient Russia passed largely under the influence of not economic but military-political and cultural factors. Before us – veche communities, pre-class associations without the primitive community. Processes of class-formation during IX – the first third of XIII century have not been successful here. These societies were set up not so much to these processes, but on self-adjustment – homeostasis, which primarily was due to the difficult war and harsh natural conditions. The point of view which is met in historical science and considers the power of the prince and the veche as warring parties does not correspond to reality. Even in XI–XIII centuries and in some places even later, princes in Russia seemed to “dissolve” in their communities, played second fiddle compared with the people.

Keywords: Ancient Russia, statehood, princely power, chiefdom, early state, veche, community.

Лисюченко Игорь Васильевич,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры государственно-правовых,
общегуманитарных и социальных дисциплин
Ставропольский филиал Московского государственного
гуманитарного университета им. М.А. Шолохова
355000, Россия, г. Ставрополь, ул. Доваторцев, 66г
E-mail: tigeris@yandex.ru

Lisuchenko I.V.,
Candidate of History, Associate Professor
at Department of public law, Humanities
and social disciplines
Stavropol branch of Moscow State
Humanitarian University
355000, Russia, Stavropol, st. Dovatorcev, 66g
E-mail: tigeris@yandex.ru